

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Статья / Article

УДК / UDC 2 – 1

DOI 10.35231/18186653_2021_3_141

Теоретические подходы как инструмент изучения религии

Е. С. Стрункина

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В статье анализируются теоретические трактовки религии в социологических исследованиях конца XX и первой четверти XXI в. Актуальность темы обусловлена разнообразием понятийного аппарата, ставшего характерной особенностью зарубежного, а вслед за ним и российского религиоведения последних лет. Многообразие концепций свидетельствует об отсутствии единого представления о состоянии религии в современном мире и о необходимости выработки нового языка описания предметного поля религиоведения.

Содержание исследования. В статье к материалу теоретических трактовок религии применяется компаративный метод исследования. На примере работ таких авторитетных исследователей, как Грейс Дэйви, Хосе Казанова, Питер Бейер, Роберто Чиприани анализируется процесс развития религиоведческой мысли в современный период.

Указывается на взаимосвязи и взаимовлиянии таких теоретических концептов, как «невидимая религия», «диффузная религии», «викарная религия», «гражданская религия», «публичная религия» и «имплицитная религия». Многообразие религиоведческих концептов представляется не как свидетельство кризиса социологии религии, а как результат рабочего процесса исследовательской деятельности.

Выводы. Современное религиоведческое поле стало настолько широким и разнообразным, что разные подходы к пониманию роли и места религии в современном мире представляются не избыточным средством, а насущной необходимостью. Многообразие религиозных форм и нестабильность их проявлений требуют от исследователей постоянной разработки таких теоретических рамок, которые бы позволили зафиксировать то или иное явление наиболее адекватным способом.

Ключевые слова: религиоведение, социология религии, викарная религия, диффузная религия, публичная религия.

Для цитирования: Стрункина Е. С. Теоретические подходы как инструмент изучения религии / Е. С. Стрункина // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 141–151. DOI 10.35231/18186653_2021_3_141

Theoretical approaches as a tool for studying religion

Elena S. Strunkina

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the analysis of theoretical interpretations of religion in sociological studies of the late 20th and the first quarter of the 21st century. The relevance of the topic is due to the diversity of the conceptual apparatus, which has become a characteristic feature of foreign, and after it, Russian religious studies in recent years. The diversity of concepts indicates the lack of a unified understanding of religion in the modern world and the need to develop a new language for describing the subject field of religious studies.

Content. In the article, a comparative research method is applied to the material of theoretical interpretations of religion. On the example of the works of such authoritative researchers as Grace Davie, Jose Casanova, Peter Beyer, Roberto Cipriani, the process of the religious thought development in the modern period is analyzed.

The author points out the interrelationships and mutual influence of such theoretical concepts as “invisible religion”, “diffuse religion”, “vicarious religion”, “civil religion”, “public religion” and “implicit religion”. The diversity of religious concepts is presented not as evidence of a crisis in the sociology of religion, but as a result of the working process of research activities.

Conclusion: The modern field of religious studies has become so wide and diverse that different approaches to understanding the role and place of religion in the modern world seem not to be an excessive means, but an urgent necessity. The diversity of religious forms and the instability of their manifestations require researchers to constantly develop such a theoretical framework that would allow us to fix this or that phenomenon in the most appropriate way.

Key words: religious studies, sociology of religion, vicarious religion, diffuse religion, public religion.

For citation: Strunkina, E. S. (2021). Teoreticheskie podhody kak instrument izucheniya religii [Theoretical approaches as a tool for studying religion]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 141–151. DOI 10.35231/18186653_2021_3_141 (In Russian).

Введение

Появление многочисленных концепций и терминов может послужить свидетельством определенного кризиса теоретического религиоведения, во всяком случае в области социологии религии. Александр Агаджанян в рецензии на книгу Майкла Стаусберга «Современные теории религии» пишет следующее:

«И все-таки социально-информированная проблематика остается в тени и, например, центральные для нее дебаты вокруг теории секуляризации остались за рамками книги.

Скажем, Дэвид Мартин, Талал Асад, Хосе Казанова или Чарльз Тейлор, каждый по-своему, заняли определенное место в этих дебатах; впрочем, никто из них не создал специальных теорий религии, хотя все они, так или иначе, ставили предельные вопросы о смысле понятия и феномена. Но все же времена Маркса, Вебера, Дюркгейма и даже Клиффорда Гирца, когда религия осмыслялись преимущественно в категориях социального, уже прошли» [1, с. 15].

Традиционный понятийный аппарат перестал справляться с обработкой и описанием данных примерно в середине прошлого века, этот период традиционно связывают с окончанием классической эпохи в теоретическом религиоведении. В какой-то степени это можно сравнить с развитием цифровых технологий в наши дни, когда приборы для хранения, обработки и передачи информации стали устаревать в течение пяти – десяти лет. Инновации создаются в ответ на постоянно возрастающий спектр требований к удобству, передаче и демонстрации информации и знаний. Про религиоведение можно сказать также: «...исследовательская деятельность совокупного ученого субъекта в отношении религии как объекта весь свой относительно недолгий исторический путь существует в режиме, определяемом, состоянием этого объекта» [5, с. 139]. Исследователь постоянно вынужден подбирать такие теоретические инструменты, которые подходят для конкретной религиозной ситуации и явления. Зачастую «религиоведение отстает от своего объекта» и продолжает его изучать, пользуясь устаревшими представлениями. Новые феномены требуют нового понятийного аппарата.

Анализ западных социологических теорий приведен в работах российских исследователей Д. А. Узланера, Ю. Ю. Синелиной, Е. Д. Руткевич, Р. О. Сафронова, Е. А. Степановой, М. Ю. Смирнова [2; 3; 4; 5; 6; 7]. В данной статье предлагается опыт осмысления наиболее заметных трактовок религии в социологических исследованиях конца XX и первой четверти XXI в., чтобы попытаться установить возможные перспективы формирования нового, адекватного видения изменяющейся предметной области современного религиоведения.

Содержание исследования

В 1960-е гг. исследовательский теоретический арсенал пополнили теории, указывающие на индивидуализацию религии. Томас Лукман, Эдвард Бейли, Роберт Белла, Питер Бергер в своих работах писали о появлении новых религиозных особенностей, характерных для современных американцев и европейцев, которые не удавалось описать и объяснить, используя классические подходы. Та-

кие концепты, как «невидимая религия», «имплицитная религия» как раз и возникли в ходе попыток объяснить и понять меняющийся объект исследования, т. е. религиозные воззрения и настроения западного мира.

Религия по-прежнему была важным элементом жизни людей, но теперь это стало сугубо личным делом, иногда даже не связанным с традиционным институтом церкви. П. Бергер отмечал определенные сложности для работы ученых, занятых исследованием традиционной веры, в условиях, когда храмы опустели и религия больше не играет консолидирующую роль [11, р. 184]. Религиозный плюрализм, возникший в ходе процессов секуляризации общества, изменил отношение людей к традиционному институту церкви, как к единственно достоверному источнику знаний о предельных смыслах и значениях. Одним из последствий секуляризации общества, по мнению П. Бергера, стал уход религиозности в пространство частной жизни, а институциональный формат религии в публичном пространстве перестал быть актуальным [11, р. 146–147]. Томас Лукман в своей работе «Невидимая религия» указывал на вытеснение религиозной проблематики из публичного пространства в узкий круг частной жизни [23, р. 86–94]. Эдвард Бейли, формулируя теорию «имплицитной религии», полагал, что не стоит соотносить религиозность исключительно с традиционными институтами церкви и в целом указывал на то, что сакральное может быть где угодно [8, р. 495–496]. Роберт Белла в рамках своей теории «религиозной эволюции» также писал об индивидуализации религии, как об одной из характерных особенностей, присущих «современной религии», в его теории – это пятый этап эволюции религии [10, р. 370–373]. Все эти концепты свидетельствовали о попытках ученых разработать теоретические рамки для феноменов, которые ранее ускользали от внимания исследователей.

После Второй мировой войны в западном христианском мире значительно снизилось влияние института церкви, но при этом интерес к религии не иссяк. Подобное положение дел требовало от исследователей, во-первых, взглянуть на религию с другого ракурса, а во-вторых, подобрать необходимые термины для того, чтобы адекватно сформулировать и описать увиденное. Индивидуализация религии, которой занимались теоретики в 1960-х гг., требовала внимательного осмысления и проработки. Карел Доббелер в своих статьях начала 1980-х указывал на путаницу, которая может возникнуть при использовании дихотомии «частное/публичное» в контексте индивидуализации религии. Возможность свободного выбора в соответствии со своими предпочтениями доступна современным людям как в публичном, так и в частном пространстве, «индивидуализация»

религии и «приватизация» религии требует скрупулезной проработки, иначе возникает путаница в понятиях, полагал Доббелер [21, p. 381].

Разработка адекватного понятийного аппарата является постоянной проблемой для социологии религии, эта задача усложняется еще и тем, что мир не стоит на месте. Религиозная реальность, которую требуется описать, постоянно меняется. Нарботанный за 20 лет, в период с 1960-х по 1980-е гг., понятийный аппарат еще требовал уточнения и, возможно, концептуальной корректировки, а политические события в мире уже меняли религиозный ландшафт в обществе. Революция в Иране в конце 1970-х, появление религиозной проблематики в политических дискуссиях в разных частях Европы – все это снова потребовало от ученых перерабатывать теорию секуляризации и в очередной раз подбирать терминологию для описания сложившейся в мире религиозной ситуации.

Если концепция «невидимой религии» в 1960-х позволяла переосмыслить теорию секуляризации в соответствии с теми условиями, которые были актуальны на тот момент, то такие теории, как «диффузная религия», «публичная религия» разрабатывались в ответ на религиозную ситуацию, сложившуюся уже в 1980-х гг. Таким образом, все эти концепты становились теоретическим подспорьем для пересмотра ряда аспектов теории секуляризации и формулировались в ответ на меняющуюся религиозную реальность.

Питер Бейер, Роберт Белла, Хосе Казанова, Роберто Чиприани исследовали религию в политическом пространстве современного мира, разрабатывали свои теоретические подходы для описания активной деятельности религиозных и прорелигиозных организаций в рамках политических событий 1980-х гг. Питер Бейер в своей работе (1994) [12] отталкивался от теории социальных систем Никласа Лумана, где религия рассматривается как одна из подсистем общества. Бейер указывает, что, несмотря на нерадужные перспективы, которые прочили традиционным религиям теоретики секуляризации, религия вполне активно продолжает существовать в публичном поле, осуществляя взаимодействие с другими подсистемами. Иными словами, выступая вспомогательным ресурсом для политических организаций или системы образования, религия выполняет поддерживающую функцию для этих подсистем. Что же касается отношения религии с системой общества в целом, в соответствии с теорией Лумана, то здесь действительно можно говорить о «приватизации» религии, т. е. забота о духовном состоянии верующих, осуществление ритуалов, духовные практики стали иметь значение только для частной жизни индивидов [12, p. 380]. В целом Питер Бейер предлагал кардинально пересмотреть теорию секуляризации.

Хосе Казанова в работе «Публичные религии в современном мире» пытается переосмыслить устоявшуюся парадигму, не призывая при этом отказываться от нее. Казанова в своем подходе к пониманию роли религии в современном мире, как и Томас Лукман, следовал теории дифференциации Толкотта Парсонса. Вследствие модернизации общества и дифференциации социальных институтов церковь потеряла свое значение и влияние как единственного законодателя этических норм жизни людей. В период написания работы Лукманом традиционные институты церкви теряли свои позиции в качестве значимого фактора общественной жизни людей. К середине же 1990-х гг., когда Казанова опубликовал свою работу [14], тема религии вновь стала частью политической повестки. Оба теоретика анализировали теорию секуляризации и пытались скорректировать устоявшуюся парадигму в соответствии с окружающей действительностью.

Роберто Чиприани в 1980-х гг., разработав концепцию «диффузной религии», также пытался адекватно описать динамику религиозности. Исследователь указывал на то, что теории «невидимой религии» и «гражданской религии», сформулированные Лукманом и Беллой, нельзя с легкостью применять для итальянского региона. Теория Беллы была выведена, опираясь на традиции, которые сложились в США. Описанные в ней связи между институтом государственной власти и религией имеют определенные особенности, характерные только для США, и отличаются от Европы в силу своего исторического развития [16, р. 30]. Теоретическая рамка Лукмана вполне может быть применима и к Италии, но лишь к определенным аспектам религиозной жизни итальянцев. Чиприани указывает, на то, что в Италии очень сильны традиции Римско-католической церкви и даже если не прослеживается прямого влияния Ватикана на те или иные события в Италии, тем не менее, на подсознательном уровне итальянцы все еще имеют тесную связь с католической церковью. Исследователь назвал подобного рода состояние «диффузной религией», в отличие от «невидимой религии», которая конструируется из разнообразного спектра индивидуальных предпочтений людей. Источником диффузной религиозности выступает исключительно Римско-католическая церковь. Соответственно, чем дальше от института церкви, тем размытее влияние религиозной традиции, чем ближе к церкви, тем интенсивнее проявляется католическая традиция в жизни итальянцев. На материале обширного полевого исследования Роберто Чиприани демонстрирует множество примеров таких проявлений [17].

Еще одна теория, которая легко применима в одном регионе и не слишком функциональна в другом, это концепт «викарной религии», сформулированный английской исследовательницей Грейс Дэйви. По словам ученого, когда она читала лекции для американцев, эту концепцию требовалось досконально разьяснять, европейская же аудитория интуитивно улавливала смысл термина [18, р. 145]. Теоретическая рамка разработана на британском материале и описывает религиозные настроения той части населения Великобритании, которая либо редко посещает церковь, либо не ходит туда вовсе. По мнению исследовательницы, англичане делегируют веру в Бога религиозным профессионалам, которые от их имени и вместо них осуществляют обряды, ведут религиозно-нравственный образ жизни, предоставляют пространство для конфессиональных дискуссий и формулируют теологические суждения на злободневные общественные темы [19, р. 23].

Как представляется, теория «викарной религии» действительно созвучна настроениям многих европейцев, да и россиян, а для американской культуры подобное отношение к церковной жизни не характерно. Роберт Белла в работе «Привычки сердца» на материале эмпирических исследований указывал на то, что в США не принято номинальное членство в церкви, американцам несвойственно принимать религиозную принадлежность как некую данность, традиционно это результат личного выбора человека [9].

На первый взгляд, современный теоретический арсенал кажется запутанным клубком. Исследователи занимаются проработкой концепций годами и, зачастую, одна теоретическая рамка становится предпосылкой для возникновения другой. Так, теорию «викарной религии» Грейс Дэйви сформулировала в процессе переосмысления своего же подхода к пониманию религиозности европейцев по принципу «веры без принадлежности», который она разрабатывала в начале 1990-х гг. [20, р. 3]. Некоторые концепты разрабатывались на материале определенного региона, например, «викарные религия», «диффузная религия», «гражданская религия»; с другой стороны – теории «публичной религии», «невидимой религии», «имплицитной религии» не связаны с культурными особенностями конкретного государства.

Тем не менее, все вышеперечисленные теоретические рамки вполне могут быть применимы во многих регионах земного шара, но лишь для описания какого-то конкретного явления и с рядом оговорок. «Викарная религия» и «диффузная религия» формулировались как концепты для описания взаимоотношения современных итальянцев и британцев с институтом государственной церкви, теория же

«гражданской религии» Роберта Беллы имеет лишь косвенную связь с традиционным форматом религии. Задачи, для которых создавалась та или иная теория, могут оказаться не выполнены, но при этом концепция может стать удобным подспорьем для описания конкретных религиозных явлений.

Так, например, Хосе Казанова в ответ на критику своей теории указывал на то, что концепт «публичной религии» создавался для того, чтобы прекратились споры вокруг теории секуляризации; но так как они продолжаются, то попытка не удалась [15, р. 15]. Тем не менее, работа Казановы стала очередным витком развития религиозоведческой мысли. Грейс Дейви характеризует теорию «публичной религии» как один из элементов, который стал теоретическим подспорьем для переосмысления теории секуляризации [18, р. 49]. Работа Хосе Казановы стала теоретическим ориентиром для концепции «религиозной сложности» [22], которая разрабатывалась скандинавскими исследователями через двадцать лет после выхода в свет книги «Публичные религии в современном мире».

На волне критики одних теорий, формулируются или дорабатываются другие. Так, предложенный Питером Бергером и Томасом Лукманом подход к положению религии на двух полюсах – «частном» и «публичном», критикуется Питером Бейером и Карелом Доббелером и, соответственно, разрабатываются теоретические рамки, позволяющие обойти дихотомию «публичное/частное». Хосе Казанова, напротив, своей идеей «деприватизации» религии продолжает развитие темы.

Выводы

Поиск теоретических взаимосвязей можно продолжать так же долго, как и перечень концепций – все они так или иначе пересекаются друг с другом. Как представляется, в этом перечне поставить точку сложно, так как религиозный ландшафт в мире постоянно меняется. Новые поколения верующих приходят на смену предыдущим и также разнообразят способы исповедания веры. Времена классических теорий (Маркса, Вебера и Дюркгейма) прошли, как ушли в историю носители описанных этими теориями состояний религиозной жизни общества. Также уходит в прошлое науки и концептуальный аппарат последующих исследовательских теорий. Однако все это не только запечатлевается на страницах учебников и энциклопедий, но оказывает влияние на формирование теоретической мысли современного религиоведения. Многочисленные теории, возникшие за последние годы, позволяют «осмыслить такие состояния религии (объекта), с которыми прежде религиоведение (субъект) дело не имело» [5, с. 137].

Список литературы

1. Агаджанян А. С. Религия и теория: современные тенденции // Государство религия церковь. – 2013. – № 3 (31). – С. 7–31.
2. Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник Института социологии РАН. – 2017. – № 20. – С. 131–161.
3. Сафронов Р. О. Современные социологические теории религии в США и Европе // Религиоведческие исследования. – 2009. – Вып. 1–2. – С. 24–44.
4. Синелина Ю. Ю. Концепции секуляризации в социологической теории. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – 120 с.
5. Смирнов М. Ю., Бокова О. А. Методология религиоведения как проблема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 133–147.
6. Степанова Е. А. Постсекулярная религиозность индивид *versus* институт // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 56–65.
7. Узланер Д. А. Конец религии? История теории секуляризации. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 240 с.
8. Bailey E. Implicit religion of contemporary society: Some studies and reflections // Social Compass. – 1990. – No. 37(4) – P. 483–497.
9. Bellah R. N., Madsen R., Sullivan W. M., Swindler A., Tipton S. M. Habits of the Heart. Individualism and commitment in American life. – Berkeley: University of California Press, 1985. – 376 p.
10. Bellah R. N. Religion Evolution // American Sociological Review. – 1964. – Vol. 29. – No. 3 (Jun.). – P. 358–374.
11. Berger P. L. The Sacred Canopy: Elements of a sociological theory of religion. – New York: Open Road Media, 2011. – 203 p.
12. Beyer P. Religion and Globalization. – London: Sage Publications, 1994. – 256 p.
13. Beyer P. Privatization and the public influence of religion in global society // Theory, Culture & Society. – 1990. – Vol. 7. – No. 2–3. – P. 373–395.
14. Casanova J. Public Religions in the Modern World. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – 330 p.
15. Casanova J. Secularization revisited: A replay to Talal Asad // Powers of the Secular Modern: Talal Asad and his Interlocutor (Cultural Memory in the Present) / ed by D. Scott and Ch. Hirshkind – Stanford (CA): Stanford University Press, 2006. – P. 12–31.
16. Cipriani R. Religion and politics. The Italian case: Diffused religion [Religion et Politique. Le cas italien: La religion diffuse] // Archives de sciences sociales des religions. – 1984. – No. 58/1. – P. 29–51.
17. Cipriani R. Invisible Religion or Diffused Religion in Italy? // Social compass. – 2003. – 50(3). – P. 311–320.
18. Davie G. The Sociology of Religion. A critical agenda. 2nd ed. – Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: SAGE, 2013. – 328 p.
19. Davie G. Vicarious Religion: A methodological challenge // Everyday Religion: Observing modern religious lives / ed. by N. T. Ammerman – New York; Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 21–36.

20. Davie G. Religion in Modern Europe: A Memory Mutates. – New York: Oxford university press, 2000. – 218 p.
21. Dobbelaere K. Secularization theories and sociological paradigms: A reformulation of the Private-Public dichotomy and the problem of societal integration // Sociological Analysis. – 1985. – Vol. 46. – No 4. – P. 377–387.
22. Furseth I. (ed.). Religious complexity in the public sphere: Comparing Nordic countries. – Palgrave Macmillan, 2018. – XXI, 341 p.
23. Luckman Th. The Invisible religion: The problem of religion in Modern Society. – London; New York: Macmillan, 1967. – 128 p.

References

1. Agadzhanian, A. S. (2013). Religiya i teoriya: sovremennye tendentsii [Religion and theory: Current trends]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and abroad]. No. 3 (31). pp. 7–31. (In Russian).
2. Rutkevich, E. D. (2017). Religiya v global'nom prostranstve: podkhody, opredeleniya, problemy v zapadnoj sotsiologii [Religion in the global space: approaches, definitions and issues in Western sociology]. *Vestnik instituta sotsiologii RAN* [Bulletin of Russian Academy of sciences Institute of sociology]. No. 20. pp. 131–161. (In Russian).
3. Safronov, R. O. (2009). Sovremennye sotsiologicheskie teorii religii v SShA i Evrope [Contemporary sociological theories of religion in the USA and Europe]. *Religiovedcheskie issledovaniya* [Researches in Religious Studies]. Vol. 1–2. pp. 24–44. (In Russian).
4. Sinelina, Yu. Yu. (2009). *Kontseptsii sekulyarizatsii v sotsiologicheskoy teorii* [Conception of secularization in sociological theories]. Moskva: Izdatel'svo ISPI RAN. 120 p. (In Russian).
5. Smirnov, M. Yu., Bokova, O. A. (2017). Metodologiya religiovedeniya kak problema [Methodology of religious studies as a problem]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 133–147. (In Russian).
6. Stepanova, E. A. (2015). Postsekulryanaya religioznost': individ versus institut [Post-Secular religiosity: Individual versus Institute]. *Religiovedenie* [Study of Religion]. No. 3. pp. 56–65. (In Russian).
7. Uzlaner, D. A. (2019). *Konets religii? Istoriya teorii sekulyarizatsii* [The End of Religion? History of secularization theory]. Moskva: Izdatel'skij dom VShE [Publishing House of the Higher School of Economics]. 240 p. (In Russian).
8. Bailey, E. (1990). Implicit religion of contemporary society: Some studies and reflections. *Social Compass*. No. 37 (4). pp. 483–497.
9. Bellah, R. N., Madsen, R., Sullivan, W. M., Swidler, A., Tipton, S. M. (1985). *Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press. 376 p.
10. Bellah, R. N. (1964). Religion Evolution. *American Sociological Review*. Vol. 29. No. 3 (Jun.). pp. 358–374.
11. Berger, P. L. (2011). *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. New York: Open Road Media. 203 p.
12. Beyer, P. (1994). *Religion and Globalization*. London: Sage Publications. 256 p.

13. Beyer, P. (1990). Privatization and the public influence of religion in Global society *Theory, Culture & Society*. Vol. 7. No. 2–3. pp. 373–395.
14. Casanova, J. (1994). *Public religions in the modern world*. Chicago: University of Chicago Press. 330 p.
15. Casanova, J. (2006). Secularization revisited: A Replay to Talal Asad. *Powers of the Secular Modern: Talal Asad and His Interlocutor (Cultural Memory in the Present)* / ed by D. Scott and Ch. Hirshkind. Stanford (CA): Stanford University Press. pp. 12–31.
16. Cipriani, R. (1984). Religion and politics. The Italian case: Diffused religion [Religion et Politique. Le cas italien: La religion diffuse]. *Archives de sciences sociales des religions*. No. 58/1. pp. 29–51.
17. Cipriani, R. (2003). Invisible religion or Diffused religion in Italy? *Social compass*. No 50(3). pp. 311–320.
18. Davie, G. (2013). *The Sociology of Religion. A Critical Agenda*. 2nd ed. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore: SAGE. 328 p.
19. Davie, G. (2007). Vicarious religion: A Methodological challenge. *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. / ed. by N. T. Ammerman. New York; Oxford: Oxford University Press. pp. 21–36.
20. Davie, G. (2000). *Religion in Modern Europe: A Memory Mutates*. New York; Oxford: Oxford: Oxford University Press. 232p.
21. Dobbelaere, K. (1985). Secularization theories and sociological paradigms: A Reformulation of the Private-Public dichotomy and the problem of societal integration. *Sociological Analysis*. Vol. 46. No 4. pp. 377–387.
22. Furseth, I. (ed.) (2018). *Religious complexity in the public sphere: Comparing Nordic Countries*. Palgrave Macmillan. XXI, 341 p.
23. Luckman, Th. (1967). *The Invisible Religion: the Problem of Religion in Modern Society*. London; New York: Macmillan. 128 p.

Об авторе

Стрункина Елена Сергеевна, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1826-5328, e-mail: strunklena@yahoo.co.uk

About the author

Elena S. Strunkina, candidate for an academic degree, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-1826-5328, e-mail: strunklena@yahoo.co.uk

Поступила в редакцию: 16.06.2021

Received: 16 June 2021

Принята к публикации: 26.08.2021

Accepted: 26 August 2021

Опубликована: 09.09.2021

Published: 09 September 2021